

18+

СЕРГЕЙ ГУЛА

"ЗОЛОТАЯ БЛЯХА ДВОРНИКА"
Фантастические байки Бендера

*Да возвеличится Россия!
Да сгинут наши имена...*

С В Р

Фантастические байки Путина
Потусторонние байки

Сергей Гула

**Золотая бляха дворника.
Фантастические байки
Бендера. Фантастические байки
Путина. Потусторонние байки**

«Издательские решения»

Гула С.

Золотая бляха дворника. Фантастические байки Бендера.
Фантастические байки Путина. Потусторонние байки / С. Гула —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-534908-8

Нахрапом Остапу не удалось стать миллионером. Но остановит ли это великого комбинатора? Конечно, нет! Остап возвращается в Москву и продолжает свой путь к сияющему Рио. И это ему почти удается. Почему почти? Узнаем из захватывающей байки самого Бендера. И послушаем кремлевские байки Путина. Врёт и не краснеет? Или это фантастическая правда для узкого круга людей? Вам решать. Уходя из жизни люди уносят с собой много тайн. Раскроют ли они эти тайны ТАМ? Читайте удивительные «Потусторонние байки».

ISBN 978-5-00-534908-8

© Гула С.
© Издательские решения

Содержание

Сергей Гула	6
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ БАЙКИ БЕНДЕРА	6
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ БАЙКИ ПУТИНА	7
ПУТОСТОРОННИЕ БАЙКИ	8
ЗОЛОТАЯ БЛЯХА ДВОРНИКА	9
Конец ознакомительного фрагмента.	22

**Золотая бляха дворника
Фантастические байки
Бендера. Фантастические байки
Путина. Потусторонние байки
Сергей Гула**

© Сергей Гула, 2021

ISBN 978-5-0053-4908-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сергей Гула
ЗОЛОТАЯ БЛЯХА ДВОРНИКА
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ БАЙКИ БЕНДЕРА

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ БАЙКИ ПУТИНА

ПУТОСТОРОННИЕ БАЙКИ

ЗОЛОТАЯ БЛЯХА ДВОРНИКА

Пути Господни неисповедимы...

Странный человек, гордо торчащий на пустынном берегу как заброшенный маяк, еще раз громко сказал безмолвно-хихикающей пустоте:

– Не надо оваций! Гейм, сет – за вами, господа присяжные заседатели. Но это еще не матч!

Этот странный человек, стоявший на мартовском ветру без шапки и в одном сапоге – был никто иной как блудный сын турецко-подданного, кавалер Ордена «Золотого Руна», неугомонное дитя матушки своей – героической и многодетной, к которой он, собственно, и обращался, а не к безучастным присяжным.

От пока еще не утихшего душевного жара, Остапу не было ни обидно, ни холодно, он знал, что после пятиминутной передышки – матч продолжится. И хотя в голову лезли какие-то пафосные слоганы, вроде: «Русские не сдаются» или «Товарищ, верь! Взойдет она...» – механика простого разума снова закричала проверенными шестеренками. Остап не без труда передел единственный сапог с правой ноги на левую, уже сильно задубевшую, засунул Орден «Золотого Руна» за голенище, правда, почему-то не сзади, как удобнее, а сбоку, и шагнул на просторы великой и необъятной, которая своенравно не отпустила свое баламутное чадо.

Кое-как доковыляв до ближайшего села, благо, приднестровцы издревле жили компактно, путник первому же встречному деду, с детским любопытством уставившегося на «чудную новинку», заявил:

– Да! Я – неприкаянная жертва вашего графа Дракулы, да сгинет его имя из памяти людской! А он, между прочим, ваш земляк, так что, дед, приюти окаянную мою душу во искупление твоих грехов неподъемных. Дед, неожиданно, по-русски ответил:

– Ух, ты! Пойдем.

В хате было тепло, мамалыга показалась нектаром, а дед все больше смахивал на живого Николу-Чудотворца. Проснувшись утром, Остап, как всегда, почувствовал прилив сил, душевных и физических, угрожающе улыбнулся злодейке-судьбе в лице кота, лежащего на старом комод, и ничтоже сумняшеся, откинув вопрос «кто виноват?» – принялся сразу за вопрос «что делать?».

– Так... значит я, воленс – неволенс, сейчас не в Румынии. Это... – и Остап похолодел: тот самый одинокий сапог валялся у двери, а ордена рядом не было! – Все! – вырвалось у Остапа. – Спер вахлак боярский, а еще дедом прикидывался! По-русски – говорил!

Отворив ногой дверь, Остап грозно застыл на пороге. В сенях дед сидел на лавке и тряпичей натирал Орден «Золотого Руна».

– Знатная бляха! – сказал дед без предисловий. – Такую, видать, токмо в Москве дают, да и то не каждому дворнику.

– Да, дед, не каждому дают, потому и в сапоге ношу, а не как положено, на груди. А скажи-ка, дед, возите ли вы отсюда баклажаны с виноградом на базар в Старгород?

– Чего ж не возить, возим. А тебе на что?

– Да надо мне в Старгород, тещу покойную навестить. Когда она опочила, я был прямо убит горем, вот мне бляху и вручили, для поднятия боевого духа, и чтобы дело наше дворничье блюсти. А дело наше, дед, мировое – вот, в Италии, дворники себя «коза ностра» зовут, а в Америке – «вольными каменщиками», это потому, что мостовые у них все каменные, а не как у нас – деревянные, да и то не везде.

Договорились ехать в пятницу с рассветом. Перед отъездом, Остап таинственным шепотом посвятил деда в «наши дела»:

– Ты вот что, дед, бляху у себя оставь на ответственное революционное хранение, а мне собери в дорогу рублей сорок, я когда вернусь сорок рублей тебе отдавать, бляху заберу, а о подвиге твоём сообщу куда надо на самый верх, чтобы знали героев.

Дед мужественно не прослезился, но в горле предательски першило.

Москва! Как много в этом звуке...

Остап резко отскочил с обочины, испуганный громким скрежетом трамвая, вынырнувшего из-за угла на Патриарших. Начинать свое новое пришествие в столицу с газетной заметки «Попал под трамвай», это тебе не «Попал под лошадь», да и гамбсовские стулья вряд ли в депо на Шаболовке имеются.

Остап направлялся именно туда, на Шаболовку. Во-первых: посмотреть – что за ерундовину слепил инженер Шухов, что вся страна о ней болтает, а сама ерундовина – на все страну галдит. А во-вторых: в суматохе, они дворником, явно, забыли обзавестись. Остап собирался им (кому им, он точно не знал) предложить свои услуги именно в этом качестве. – Ничего, что дворником, зато в центре событий. Умелая рука или метла, охаживающая пульсирующий нерв времени, как смутно представлялось великому комбинатору, непременно должна была забронзоветь.

Энтузиазм Остапа иссяк, когда Шаболовский дворник, мужчина средних лет, в строгом сером дворничьем костюме без бляхи и других опознавательных знаков, спокойно сообщил соискателю:

– Штат дворников Шуховской башни уже полностью сформирован особым указом наркомата ЖКХ. А вам, как вольнонаемному, лучше обратиться в большой жилой дом №10 на другой стороне. Там после первомайской уборки, убрали и дворника. Узбекским шпионом оказался.

Во дворе дома №10, когда туда вступил Остап, шло бурное общее собрание. Через полчаса активного участия Остапа в этом собрании, которое ограничивалось его периодическим громким выкриком: «Товарищи! Да!» – стало ясно: главный вопрос бурлящей сходки – «Доколе?».

Это «доколе?», как понял претендент на должность, заключалась в отсутствии центрального отопления в доме. Народный форум делился на три основных лагеря: первый – печально, но настойчиво повторял, что не надо было писать коллективные наветы на управдома Шмулевича, он хоть и купил себе авто, а жене шубу, зато по отоплению почти договорился с кем надо. Второй лагерь – яро поддерживал народного выдвиженца Гарпищенко, который отличился в громкой битве протеста «Геть», пусть и где-то на окраине, но за этим сражением следила вся большая страна. Главным неоспоримым аргументом сторонников Гарпищенко был очевидный факт: пусть пока, временно, отопления и газа нет, но зато товарищ Гарпищенко гордо и смело не ездит с женой на авто в Кремль на елку! В знак протеста! Третий лагерь разноголос, но твердо заявлял: «Да!» и «Доколе?».

Ближе к 9 часам вечера, на мусорный бак, служивший трибуной, взлез управдом Гарпищенко и подытожил: 1. Решение принято! 2. На девять ноль-ноль назначается экстренное заседание домкома по теплу и газу! 3. Пока тепла и газа не будет, ноги нашей не будет ни на елке, ни на параде! Членов домкома прошу проследовать в первый подъезд на совещание.

Когда толпа разошлась по своим квартирам, к первому подъезду неспеша двинулась группа из пяти человек во главе с управдомом. Остап к ним присоединился, но развитие событий не педалировал. По дороге, один член домкома в хорошем пальто, отпросился домой к болеющей жене, второй сообщил, что ему надо забежать в магазин за хлебом, «пока отпускают», третий и четвертый – перед важным заседанием решили покурить. В домком вошел один председатель, за ним вошел Остап. Дождавшись, когда шеф усядется за стол, Остап твердым голосом сразу перешел к делу:

– Товарищ Гарпищенко! Надо начинать с малого и с себя! Дорогу осилит идущий!

– А вы кто? – устало поинтересовался Гарпищенко.

– Я – представитель городского комитета, присланный к вам на усиление. Город неравнодушен к каждому дому и высоко ценит ваше личное усилие. Но, товарищ Гарпищенко! Личным примером надо вдохновлять людей на борьбу с неурядицами в нашем родном доме! И хотя Остап впервые увидел этот дом всего два часа назад, где-то глубоко в душе он считал его уже своим родным. – Так вот! – продолжил Остап: – простой пример ярких неэффективных действий современного менеджера: в доме нет дворника! Зачистили, и поделом ему, шпиону, там лучше знают, что делать! Я лично сам, хотя я и руководитель городского масштаба, назначаю себя ответственным дворником и завтра в семь ноль-ноль выхожу на вахту! Метла, грабли, лопаты – надеюсь, в наличии? – строго спросил Остап.

– Частично. – не очень уверенно ответил председатель. – Остальные в починке.

– Ничего, справимся! – уверил Остап. – Где у вас кладовка? Понятно, хорошо. Ключи позже дадите. Садитесь, пишите приказ, и чтоб завтра приказ висел во всех подъездах. Приказ я продиктую: 1. Назначить дворником дома №10 по улице Шаболовка ответственного работника городского комитета Бендера Остапа Ибрагимовича, без оклада, с проживанием в служебном помещении. 2. Обязанности подбора двух помощников возложить на тов. Бендера, с окладом каждому помощнику, согласно штатному расписанию управления ЖКХ.

– Подписывайте полностью! Дайте посмотрю. Хорошо. Это останется у меня, сделайте себе копию, и давайте ключи от кладовки, пойду в ночную смену готовить инвентарь. Завтра в девять ноль-ноль жду всех в домкоме для подведения итогов благодарной реакции жителей. И не опаздывайте! Точность – вежливость больших... э... не важно! Членов правления собирать не надо, а то опять говорильню устроят. Все, шеф! Работаем! Ауфвидерзеен! Азухенвейт! Харе Кришна, так сказать! Гарпищенко хотел было что-то спросить, но непонятные слова его смутили, и он решил воздержаться.

На следующий день, рано утром, удивленные жители дома №10 лицезрели во дворе энергичную фигуру, одетую на южнорусский манер (спасибо бессарабскому деду), ловко, но хаотично, орудующую метлой и громко приговаривающую: «Эй, ухнем! Сама пойдет, сама пойдет!». Многим подумалось, что если так пойдет, то и тепло в доме появится. Вот что соборный глас народа делает!

Гарпищенко тоже был во дворе, и, хотя старался быть незаметным, двое или даже трое жильцов пожали ему руку не в качестве приветствия, а резюмируя: «Молодец, так держать!», «Я всегда в вас верил!» и «Заткнули рты паразитам!». В девять ноль-ноль в домкоме антикризисная команда в лице председателя и Остапа продолжила свою работу по решению всех вопросов.

Вдохновение! Как же знакомо это чувство, свойственное любому свободному художнику! Глаза Остапа улыбались, дышалось легко, душа напевала какую-то простенькую мелодию, но мозг комбинатора работал четко.

– Поздравляю вас, предводитель! – деловито начал Остап. – Сегодня же, телефонирую в комитет о ваших успехах! Время не ждет! Работа не... – тут организатор запнулся, быстро сообразив, что в данном контексте – это не к месту.

– Итак, не снижаем темпа! Сегодня вечером в шесть ноль-ноль объявлен кастинг на замещение вакантных должностей помощников дворника, точнее – одна должность: младший помощник дворника, вторая: старший помощник младшего дворника. Это я беру на себя. Второе: во избежание пустопорожнего галдежа и базара в ставке домкома, нам с вами потребуется помещение для оперативного штаба управления домом в узком кругу и в соответствии с требованиями текущего момента, но по согласованию с главком. У вас есть в доме временно пустующие квартиры по объективным причинам?

Гарпищенко на минуту задумался и ответил: – Да, кажется, три квартиры пустуют, но я не знаю по каким причинам.

– Понятно по каким. – коротко внес ясность Остап. – Оперативный резерв. Бронь наркомата ЖКХ. Ключи у вас имеются? – Да, дежурные дубликаты на случай пожара или потопа.

– Никаких пожаров и потопов, это – не конструктивно. – отрезал Остап. – Идемте смотреть. Первой же и ограничимся, не до жиру сейчас, когда народ стенает под обломками застарелого московского вопроса.

Квартира оказалась трехкомнатной, без мебели, с налетом пыли и грязными снаружи окнами, но Остап безапелляционно заявил: – Годится. Ключи! Бумагу из наркомата я вам привезу после кастинга новых сотрудников. Хранится она будет здесь, в этой коробке, в одном экземпляре. – Остап указал на картонную коробку из-под галош без крышки. – Вскрывать только вдвоем под роспись!

Вопрос дислокации штаба был решен. Здесь можно было спокойно проанализировать прошлые ошибки и продолжить путь к мечте: заоблачному Рио!

Вечером Остап заглянул в соседний двор, где погруженный в себя дворник восточного типа, плавно шаркал метлой. Остап подошел к нему и сухо отрекомендовался: – Наркомат ЖКХ. Где остальные твои коллеги по ремеслу?

– Тама. – дворник неопределенно ткнул пальцем куда-то в сторону угла дома.

– Сколько штук? – чеканил Остап.

– Пять. – растопырил пятерню дворник. – Два только вчера приехал.

– Веди! – приказал большой начальник.

В дворницкой испуганно жались друг к другу несколько родственников штатного дворника и еще пару чьих-то земляков.

– Ты и – ты! – указал взглядом и поворотом головы Остап. – Срочная разнарядка на соседний объект!

Родственники испуганно вжали головы в плечи, но говорить еще больше боялись.

– Прямо сейчас – рекогносцировка плацдарма. Вы оба – подъем! Жить будете здесь. Работать с семи до семи. Форменную одежду и инвентарь получите завтра, плюс пять рублей подъемных на всех, потом оплата будет стабильная.

Вечером Остап, войдя в комнату правления, молча кивнул председателю и жестом попросил проследовать за собой. Закрывшись в штаб-квартире изнутри, Остап мельком показал управдому мандат наркомата, аккуратно положил его в коробку, саму коробку перевернул вверх дном, тщательно выбрал угол для местонахождения закамouflированного сейфа, погладил его рукой сверху, а сбоку, зачем-то поставил крестик карандашом. Последний штрих произвел неизгладимое впечатление на председателя. Остап же, медленно подошел к управдому, приставил указательный палец к его груди и процедил:

– Помните! Только вы и я! Абсолютная тайна вкладов ценных бумаг! После чего, человеческим тоном продолжил: – Докладываю. Кастинг по замещению проведен по всем правилам строжайшей модерации. Два джентльмена завтра приступают к работе. С вас двенадцать рублей, уважаемый, в качестве аванса волонтерам. – Возьмите карандаш и запишите: по три рубля каждому – на обмундирование, по три рубля – на денежное довольствие. Нашу задолженность по зарплате в размере шестидесяти восьми рублей выдадим фигурантам тридцатого числа, если не будет нареканий с нашей стороны.

Остап не был жаден, пять рублей он отдал счастливым трудоустроенным профессионалам, семь рублей оставил себе на текущие нужды. Из остающихся шестидесяти восьми рублей, Остап честно планировал отдать своим замам восемнадцать, но попал под собственное благодушное настроение и решил, что все-таки – двадцать, по десятке на брата – так торжественнее и красивее.

И все пошло свои чередом. Жители обсуждали перемены, Гарпищенко светился изнутри, но новость – устарела и жители стали грозить отчетно-выборным собранием в связи с упорным отсутствием проработок по газификации и теплоснабжению дома. Остапу самому было

холодно в своей резиденции, он начинал разделять праведный гнев жителей, но в отличие от них давно усвоил: «что спасение утопающих – дело рук самих утопающих». Нужна была идея, план-схема, сопряженная с реальностью и, самое главное, ее реализация. Манилов, как древний герой, ему не импонировал, как, впрочем, и Хлестаков, хотя Остап и смутно помнил подробности их биографий, как и политических кредо, но, все-таки, Хлестаков Остапу был ближе, как ни как, с Пушкиным на одной ноге товарищ был. А Пушкина Остап уважал. За язык. За то, что вместо «вельми понеже» и «весьма вами благодарен» – можно было рубануть: «торг здесь неуместен», и дело веселее спорилось.

Остап серьезно относился к своей работе. Каждый день он проверял исполнительность своих подопечных, и, не задумываясь, случайно, отметил просто как факт, что каждую среду днем, и каждую субботу утром – во двор дома №10 въезжает важный автомобиль, из него выходит комфортабельный дядя, входит в третий подъезд и часа через два-три уезжает. То, что дядя здесь не живет – было понятно, как и то, что дядю сюда регулярно тянет. Дядя мог, конечно, потакать клубу суфражисток, занимающихся пару раз в неделю верчением стола, что абсолютно невинно с т. ч. УК, который Остап читил с детства, но интуиция открытым текстом вещала: «наоборот».

Остап, через бабушек на лавочке, которые его очень сильно уважали, за то, что он ни разу не забыл сказать им утреннее «Здрасьте», выходя из подъезда, а особенно, за то, что возвращаясь домой вечером, он, непременно, элегантно кивал им своим неповторимым: «О ревуар, кокотки!». От лучшего в мире корпуса стражей порядка, Остап выяснил, что на пятом этаже живет несчастная певичка Лиза, а дядя из машины – ее дядя.

То, что дядя – какой-надо дядя, Остап не сомневался. Да вот о чем бы с ним задружиться? В этот раз папки не было, миллион на блюдечке – вчерашний день и пройденный этап, но что же тогда? И тут Остапа осенило: – Труба! Не просто труба, а тепло-газовая труба! Ни какие-нибудь там «Дружба» – «Фройндшафт», дорогая Лиза, а тепло. Надежное, мягкое, умиротворяющее тепло.

– Есть точка опоры! Архимед бы лопнул от зависти!

Выяснив, что дядя работает в городском комитете, в подотделе агитации и пропаганды, что Остапу было близко по духу, наведя справки о том, что не все плакаты «Вперед, к победе!», которыми были утыканы все магистрали города – бесплатные и общеполитические, и что, если своевольный художник к непререкаемой, незыблемой фразе «Вперед, к победе!» хочет внизу добавить: «Светить! И никаких гвоздей!» (Сколково, вт. пер. налево, кэш-бэк гарантирован) «Вот лозунг мой – и Солнца!» – то тогда это его подакцизное право.

Суть ясна. Остап завелся, как старый добротный механизм, с пробуксовками, остановками, но сделанный на совесть. У задачи есть одно решение: гербовая бумага! Или в виде постановления городского комитета, или в виде безымянных купюрных распоряжений Монетного Двора. Возможно, и так, и так, комбинаторно.

– Но покупать блага за деньги?

– Нет, это пошло, господа присяжные заседатели!

– Нужна схема, лучше микросхема, ее почти не видно, а выхлоп – будь здоров!

– Но какая?

– Стоп!

– Есть такая схема!

Она проста в своей гениальности и наивности. Ее будут повторять в будущем, все кому ни попадя: и гробовщики, и заштатные математики, тщедушные завлабы и дородные дамы, но все они плохо кончат, ибо они не ведают главного секрета великого комбинатора: любовь к денежным знакам – это всего лишь спорт, а не средство наживы. А тарелочка с голубой каемочкой – это лишь символический кубок, вроде того, который вручают в английском аристократическом лаун-теннисе или в народном футболе, ну а про УК – все в курсе, только чтить его забывают.

Свою схему Остап, для простоты, назвал ГКЧП (Государственно – Как бы – Частное Партнерство). Суть схемы была такова: 1. Сколько ты чиновнику по лбу не стучи, сколько взяток ему не давай – он все равно не купит трубы и радиаторы для отопления одного отдельно взятого дома, не говоря уже о плашках семь-восьмых. Ему, чиновнику, космодром подавай, и, желательно, где-нибудь подальше от высочайшей комиссии и поближе к экватору, чтобы, в случае чего, через него, этот экватор, быстро перевалить. 2. Сколько людям не говори, что от отсутствия труб у них же тепла не будет, и проще их купить самим – ни за что не купят и будут правы. Трубы купишь и даже плашки, а потом это все будет валяться на заднем дворе, как приснопамятные ворота у коллеги по цеху в Старгороде. Никакого тепла не будет, а деньги – на ветер!

Первую часть проекта ГКЧП Остап решил закрыть по методу «ШО», вторую, по методу – «ХА». Первая часть касалась чиновников и означала: легкий Шантаж, Откат. Вторая часть была рассчитана на жителей: «Халява», «Азарт».

Сыграв на исключительном кредите доверия жильцов к команде дворников, воспользовавшись задумчивой растерянностью председателя домкома, плывущего по течению, Остап на срочном заседании штаба, заявил: – «План сверстан!», «Кую железо, не отходя!», «Берем быка за рога!». Авансовая смета пятнадцать рублей, на выходе – отопление всем. Приз зрительских симпатий – один. Начинаем сегодня в двенадцать ноль-ноль. Сверим часы! С вас двадцать рублей, попрошу выдать!

– Почему двадцать? – промямлил председатель. – Вы же говорили – пятнадцать!

– Правильно, пятнадцать! Пять рублей – в фонд непредвиденных расходов, он же фонд народного благосостояния. Фонд будет храниться у меня, так надежнее. Теперь к делу: вот макет объявления, сегодня он будет напечатан в ста экземплярах в коммерческой типографии «Олимп» на Арбате 36. Мои сослуживцы вечером все это расклеят на каждом этаже нашего дома. На каждом плакате будет наша личная подпись в вашем лице.

Плакат выглядел так:

– Крепитесь босс, Вас будут пытаться допросами!

– Какими? Кто? Кого пытаться? – ужаснулся председатель.

– Вас! А какой главный приз?! Держитесь, дуче! Полная тайна вкладов! Только намеки!

– Какие намеки?

– Любые. Меньше слов, больше жестов! Вы же – руководитель!

Остап не знал будут ли покупать билеты, но в успех верил. В любом виде спорта, главное, правильно дышать. – ХА! – неистово выдохнул Остап. – Привет, старик Эйнштейн! У тебя mc (кв.) = космос, а у меня: ха = трубы. На один символ меньше. Будь проще, коллега, и люди к тебе потянутся!

Вечером в пятницу объявления были расклеены верными ударниками дворового труда. Председатель из комнаты домкома позорно смылся, а зря, туда все равно никто не пришел, хотя прочитали все. Спам, лохотрон, разводка. Таково было общее мнение и лично каждого. Остап же излучал олимпийское спокойствие.

В субботу днем он встретил возле авто серьезного господина и представился: – Домком. Бендер. Важный разговор. Регламент – две минуты. Дядя из авто, на всякий случай, посмотрел по сторонам, ничего подозрительного не увидел, пожевал губами и изрек:

– Слушаю.

Остап молча протянул ему билет облигационно-лотерейного займа. Дядя неспеша его прочитал, поднял взгляд на Остапа и спросил:

– И?

Остап решил начать галантно с плавным переходом в витиеватость

– Видите ли, по решению общего собрания, в русле новейших тенденций направляющей линии, а проще – по требованию этой линии – билеты, к сожалению, именные.

– И? – ничего не понял дядя, но, на всякий случай, не ушел.

– Вы знаете – как мы гордимся нашей соседкой, наш... ваш..., нашей знаменитой сожигательницей Лизой из третьего подъезда и мы, ну, просто не можем взять с нее деньги за отопительный билет. Но, билеты – именные! Вот в чем диссонанс и эскапада. Если Елизавета не подпишет – это выйдет наружу, а взять с нее деньги, а она даст, обязательно даст, вы же знаете – мы не можем себе позволить. Попросите несравненную – поставить свой автограф на билете. Я буду ждать вас здесь же через два часа.

– Все? – спросил дядя.

– Да. – ответил Остап.

Через два часа дядя вышел из подъезда, где уже дежурил Остап, молча протянул подписанный Лизой билет, сел в машину и уехал. Остап направился в домком, по такому случаю взял не карандаш, а перо и снизу дописал: СДАНО: V/15 (25).

Слухи распространяются быстро, обгоняя друг друга. В личной подписи Лизы никто не сомневался, хотя никто никогда ее не видел, а вот, что значит V и, что значит 15 (25)? Вопрос с V общими усилиями разрешился быстро: понятно, что это дядя, его два раза видели с дворником и они обменивались какими-то бумагами. Но что значит 15 (25)? Можно сдать 15, а запишут 25? Но кто же это скажет? Тем более всем подряд?

С утра в понедельник председатель домкома принимал жильцов дома №10 строго по одному, даже, если это был коллективный спор или коллективная жалоба. Первым послали Ивана Исаковича из 94-ой квартиры. Ему уже было 78 лет, и вряд ли ему что-то грозило, даже в случае чего. Иван Исакович вышел через десять минут с загадочным видом, выдержал паузу и сказал всем:

– ИМ... ХО.

Все поняли правильно: поменьше слов, молча сдать полтора червонца, поставить автограф, запишут – 25!

За три недели собрали 5205 рублей. Сдали не все, видимо, по объективным причинам. Тем не менее, разводку труб решили провести всем, сметно-подрядная организация на основании письма из домкома на бланке домкома с размашистой резолюцией «Упс/осметить и проект.» за подписью: зам. пр. О Бен. – принялась за работу.

Колеса бюрократической машины завертели. Материалы и комплектующие были завезены, смета и проект были подготовлены и отправлены в вышестоящие инстанции, там они были завизированы и спущены обратно вниз для исполнения. Работа закипела. Машина функционировала как часы. Через полгода центральное отопление было без торжеств и внутридомовых митингов запущено. Председатель Гарпищенко общедомовым собранием заочно был избран пожизненным председателем. Остался один вопрос! Кто получит главный приз облигационно-лотерейного займа?! Каждый надеялся, что это будет именно он! Отопление и так провели, а 15 рублей, т.е. 25 – это вам не шутки, которые на дороге валяются!

Деньги были на месте, Остап, максимум, потратил рублей триста на свои текущие нужды. В придомовом воздухе запахло грозой. Казалось бы – чего тут сложного, бери коробочку и адью! – А квартира на Шаболовке? Пусть и временная, но квартира! А репутация и уважение, хоть и сомнительного, но всего дома! А вошедшая в привычку московская жизнь, хоть она и та еще себе сладкая? А? Разменять на пять тысяч фантиков блестящую партию? Нет, господа присяжные заседатели! Матч состоится при любой погоде!

Надо было срочно что-то придумать. Деньги не имели ценности в стране Советов, хотя и не изжили себя, за них по-прежнему цеплялись как за ложную панацею, которую врачи издевательски называют «плацебо». Они имеют ценность там, за бугром, где культ золотого тельца – свят, а его беспрестанно растущее руно – и есть счастье. – Орден «Золотого Руна»! Он же есть у меня! У деда! В Бессарабии, в Валахии или в... черт их разберешь молдаван с румынами.

Деньги есть, крыша есть, времени – мало, но есть. Второй раз через Днестр я не пойду. Нужен один из тридцати легальных способов перехода. Какой именно? Надо подумать.

Чтобы думалось продуктивнее, Остап решил прогуляться в Парк Культуры, благо, это рядом, да и погожий осенний денек располагал. В парке Остап доедал на ходу уже третью порцию знаменитого московского эскимо, но даже маломальскую тропинку Большого Пути так и не нашупал. Уже на площади, перед центральным входом, Остап увидел знак судьбы. Знак представлял из себя высокого темнокожего парня, ожидающего разрешения на переход на ту сторону Садового. – Он явно был оттуда! Откуда же еще! Остап заговаривать с ним не стал, а решил посмотреть куда он идет. Парень шел к зданию на Зубовском бульваре и Остап вспомнил! – Точно! Там то ли академия МИД, то ли филармония КИД, то ли посольство Чад, но что-то, крепко связанное с границей.

У входа людей было не много, Остап выбрал для получения справки маленького скромного китайца, задумчиво глядевшего в сторону далекой родины.

– Монгол шудан, камарад! – поздоровался Остап. Китаец грустно спросил:

– Доброволец?

– Как вам сказать. – напустил на себя загадочности Остап. – В некотором роде.

– Тогда вам в 17-й кабинет, но зря стараетесь, товарищ, там берут только бурятов и летчиков. Я вот – калмык, и то не взяли.

– Ничего, прорвемся! – уверил собрата Остап и решительно вошел в холл здания. – Главное, действовать стремительно!

Стремительно не получилось. Остап споткнулся о связку книг, лежавшую на полу рядом с горячо спорящими молодыми людьми и чертыхнулся, интуитивно на иностранном: – Бранзулетка, секуритата! Карамба, дэчи мори!

Спор мгновенно прекратился. – Товарищ! – схватил Остапа за руку один из спорщиков. – Вы же подарок!

– Ну, подарок, я, предположим, тот еще. – А в чем дело?

– Ведь это же Румынский! Правда? Ну, чистейший Румынский!

Остап напрягся. – Не имею чести, то есть честь имею, но никого отношения. Стамбул.

– Стамбул охвачен, товарищ. После присоединения Баку к нашему великому делу, турецкая секция переполнена. А вот с румынской секцией – беда! Вся наша делегация уже третий месяц ловит несознательных цыганских пролетариев, ограбивших их на вокзале в Бухаресте. И не спорьте! Немедленно идем!

Они поднялись на второй этаж в комнату номер 21. Убранство секции было простое: обшарпанный стол и дюжина новеньких стульев вдоль стен. – Жаль не тех! – взгрустнул Остап. – Вот. Товарищ, располагайтесь и немедленно начинайте работать! Я – второй секретарь комкома, Радий Баров. Ваша фамилия? – достал блокнот и карандаш активист.

– Остап Бендер, сказал зачем-то правду Остап, что редко с ним случалось, но, впоследствии, это могло пригодиться при оформлении выездных документов.

– Ну вот, я же говорил! Бендер! А еще говорите, что не румын! Язык вас выдал, товарищ Бендер. А произношение?! У-у! – подытожил наставник. – Вот вам первое комсомольское поручение! К следующей среде вам следует сформировать секцию из 5—6 человек со знанием румынского языка. В четверг отчетное собрание по Европе, а с вами – вся Европа будет закрыта!

– Европа – это неплохо. – сказал Остап. – А нельзя ли возглавить секцию какой-нибудь Франции или, на худой конец, Британии?

– Нет, это очень тяжелые участки, на них работают только старые Кидовцы. Завтра зайдите в шестую комнату, сдайте карточку на удостоверение. А сейчас, немедленно поезжайте на Курский вокзал, там всегда очень много цыганско-румынских активистов, видимо, посто-

янно помогают железнодорожникам с ремонтом паровозов в депо. Все! В среду перед собранием, жду вас у себя в первом кабинете с отчетом. Будь готов.

– Всегда готов! – машинально ответил Остап.

В понедельник Остап получил красивейшее удостоверение, в котором значилось:

– С таким, пожалуй, и на трамвае можно ездить. – подумалось Остапу. В среду утром Остап накидал список из пяти румынских фамилий, которые были на слуху: Ротару, Попеску, Гацкан, Додон, пятая фамилия не давалась, и Остап вписал: Боцман, по созвучию с Гацкан.

Собрание прошло торжественно и успешно, особенно отметили молодую румынскую секцию и ее подающего большие надежды идейного руководителя. Трамвай стал бесплатным, ни Остапу, ни кондукторам даже в голову не приходило узнать: дает ли красная книжица право на проезд. Это вам – не дворницкая бляха, это – удостоверение с фото! Все это было замечательно, но никак не приближало Остапа к цели: выезду на «замшелые участки» Европы с золотой бляхой, которая временно хранилась у деда в приграничном селе.

Зимой Остап съездил к деду в село, по официальной линии КИДа для проведения воспитательной работы в колеблющихся приграничных районах. Бляха была на месте. Дед еще строже стал хранить тайну, исполняя ответственное государственное задание, воодушевившись, что Остап вернул ему 50 рублей, а не 40, которые занимал. Отчет Остапа о поездке был признан ярким. Районы перестали колебаться. Остапа наградили зачислением в вечернюю спец. школу с углубленным изучением тревожной международной обстановки сроком на шесть месяцев. По окончании школы планировалось дипломная поездка в так называемое «поле» для практического закрепления теоретических знаний.

По этой причине Остап халявить не стал. Школу регулярно посещал. Но поездка в румынское «поле» – его, ну никак не устраивала, и он стал вне класса посещать занятия немецкой группы. Это был хоть и призрачный, но какой-никакой шанс попасть на «разложившиеся участки» континента. С профессором они сошлись дружески на воспоминаниях о Старгороде, откуда профессор был родом, его предки переехали в Старгород из Померании, когда там начались гонения на жителей, говоривших на непатриотичном померанском диалекте. И хотя Гольдберг, была очень благозвучной немецкой фамилией, лучше было уехать. Ювелиры везде нужны! В Старгороде местечковый померанский диалект идиш, оказался литературным немецким, и сын ювелира стал давать частные уроки немецкого, а после революции и подавления последнего мятежа в Малиновке – его и вовсе в университет отрядили, так как старая профессура поехала кататься на пароходе, да так и не вернулась. Чем богаты, как говорится...

После того как Тельман со своими знакомыми дамами подхватил знамя революционной борьбы в Германии, старгородские красные студенты написали ему пламенное письмо. Гольдберг его перевел, а сосед Костя-моряк через знакомых контрабандистов переправил письмо в Германию. Удивительно, но ответ старгородским студентам и лично партайгеноссе Гольдбергу пришел за подписью Тельмана в МИД, в Москву. Профессора срочно вызвали в столицу, тщательно проверили на «шкурность» и направили на особо важный участок, в школу с углубленным погружением революционной молодежи.

Подготовка молодежи в школе откровенно хромала, так как часть молодежи во время прохождения практики в «поле» – бесследно исчезала вместе с карманными командировочными, а вторая часть – в порыве рвения тут же выходила на центральную площадь «поля» с красным флагом и кричала на заученном немецком: «Вся власть Советам» и «Долой», после чего начинала петь «Интернационал» на русском и также бесследно исчезала где-то в Моабитских застенках.

С приходом Гольдберга ситуация в школе с выпускниками слегка улучшилась, некоторые даже просто работали и руководство профессора за это ценило. Помимо языка, Гольдберг учил своих студентов быть незаметными, чтоб по морде за акцент не получить, а если что – всегда можно сдать! Как бы понарошку, для дела. Вопрос о членстве Остапа в выпускной

группе, которая направлялась в Дрезден решил на внеклассном занятии, когда Остап молча положил на стол профессора 200 рублей и максимально трагично произнес: – Сберегите это для священного дела светлой борьбы! Путь мой тернист, а потомкам это пригодится. Гольдберг заверил Остапа, что потомки, с которыми он знаком, свято верят в благополучное возвращение Остапа с победой и никогда его не забудут.

До отправления голубого экспресса Москва-Варшава, до Дрездена прямых поездов не было, оставалось еще несколько месяцев.

Остап в доме №10 расклеил объявления, что главный приз «облигационно-лотерейного займа» будет торжественно разыгран и вручен Первого Мая, в день солидарности трудящихся всего мира до седьмого пота. Главный приз – интертурпутевка в «Нью-Йорк – город контрастов» с питанием и проживанием на целый месяц, на комфортабельном круизном лайнере «Михаил Светлов». Программа круиза была насыщенной: 14 дней из Старгорода до Нью-Йорка, 14 дней из Нью-Йорка обратно в Старгород, один день из Москвы в Старгород, один день из Старгорода в Москву и – один незабываемый день в Нью-Йорке с экскурсией на бронированном автобусе в Гарлем, которая называлась: «Так жить нельзя!». Счастливчик также награждался субботней лекцией в летнем театре в Парке Культуры: «Империализм – путь в никуда!». Обязательным условием, помимо именного билета, участники должны были предоставить в Оргкомитет в домком следующие документы:

- Справка о проверке на педикулез.
- Справка об отсутствии задолженности по профсоюзным взносам.
- Аттестат зрелости.
- Рекомендательное письмо горкома.
- Справка о владении иностранным языком (любым).
- Характеристика из домкома.
- Отчет об участии в первомайском субботнике.

Субботник был назначен на восемь утра по дружескому межведобмену на Пресненском ипподроме, в конюшнях, под праздничным девизом: «Нас не догонят!». Все разрешилось иначе. На ближайшем общем собрании было решено единогласно поддержать высокогуманный поступок Лизы из третьего подъезда, которая подарила свой именной билет голодающему мальчику из Самары, который уже пешком направился в Москву для сбора справок. И чтобы было все по-честному, и какой-нибудь разложенец не схитрил, все сдали свои именные билеты в домком под роспись. Первого мая победил голодающий мальчик из Поволжья, и уехал в Старгород готовиться к трансатлантическому путешествию. Облигационно-лотерейный «отопительный» заем стал историей и домовою легендой.

Отопление исправно функционировало. Это было не сложно. Такие задачи Остап еще в третьем классе решал, когда прочел «Приключения Тома Сойера» и реализовал его идеи на другом континенте. Остап выменял у мальчика из своего класса ослепительного майского жука, наколотого на булавку с шикарной никелированной головкой на старые очки деда мальчика в золотой оправе. Мальчик на целый месяц стал медиа-звездой класса: ему два раза дали покататься на велосипеде, ни разу не обозвали, а одноклассницы его специально поджидали после уроков, чтобы разрешить донести ранец до дома.

– Это все так. – размышлял Остап. – Но, золотая бляха... – Остап даже не заметил, когда он стал называть Орден «Золотого Руна» – бляхой. – Бляха – это тебе не майский жук, а пограничная стража трех государств – не лопухий мальчик на велосипеде!

Решение не давалось. Остап машинально крутнул тумблер радио, висевшего на стене. Что ж, когда своих мыслей нет, вам их бесплатно подарит ящик на стене, гениальное изобретение Попова, поверившего в него инженера Шухова и примазавшегося к ним Маркони. Радио вещало о крайне напряженных отношениях молодой советской республики с Германией, свернувшей куда-то не туда и что, всем нам – крайне нужен пакт, другого выхода нет. Именно наш

пакт, а не сговор, чужой сговор себя не оправдал. Но немцы пакт заключать не хотели и надо было их как-то переубедить или облапошить. Над тем как облапошить немцев думал товарищ Молотов, согласно своим служебным обязанностям, а все остальные должны были отвлекать немцев, чтоб они ни о чем не догадались раньше времени. Отвлекать их надо было культурными связями, промышленной кооперацией, проверенным балетом и авангардной спартакиадой, чем угодно, главное, отвлекать. И Остап придумал.

- Выставка в Дрезденской галерее!
- Золото скифов!
- Бронзовый век!
- Только подлинные копии знаменитой коллекции!
- Вода камень точит!
- Маленький кирпичик в дело пакта!

Золото, конечно, никто не даст вывезти из страны. – Но век-то был бронзовый! Сами скифы до Менделеева толком не знали, что у них: Золото скифов или Бронза скифов! Бронзу, пожалуй, разрешат на месяц-другой вывезти, все-таки пакт на кону. Да и кому сейчас эта бронза нужна? Из нее разве что дворницкие бляхи делать, да и те сейчас не в моде.

За 20 рублей Остап купил бронзовый канделябр на остатках развалин уходящего в прошлое рынка на Хитровке. Но этого было недостаточно. Нужен был мастер, который смог бы изготовить из подсвечника бляху, то есть орден на цепи. Он то и должен был вернуться на родину, после окончания выставки.

– Только без спешки! – сам себя предостерег кавалер. – Обидно будет погореть на нулевом цикле проекта.

Предложение об организации выставки с подачи КИДа было довольно легко одобрено в МИДе. В приложении к формуляру было расписано включение в сопровождающую делегацию трех человек из КИДа. Но вот отбор коллекции был поручен Минкультпросвету и его подопечным музеям, и это несколько осложняло дело массовостью необходимых резолюций, но выглядело логично. От КИДа в группу включили Радия Барова, как идейного вожака, Остапа, как автора идеи и третьего делегата: срочно принятого в КИД активиста, откомандированного из другого ведомства. По его строгому серому костюму, такому же как у Шуховских дворников, Остап понял, что он из Наркомата ЖКХ. Коллекцию отобрали из артефактов, хранящихся в Эрмитаже, изготовили бронзовые копии, сделали золотое напыление для блеска, в общем подготовка шла своим чередом. Дрезденская галерея выделила отдельный зал для выставки и ждала согласования даты открытия-закрытия экспозиции.

Все бы ничего, но испанский Орден «Золотого Руна», учрежденный в 13-ом веке Филипом Добрым, ну никак не лез в скифскую коллекцию. Да и по сравнению с золотом скифов он выглядел как-то убого: маленькая шкура барана в обрамлении полудрагоценных камней (цена которым рупь в базарный день) и безвкусная массивная золотая цепь. А надо, чтобы «Золотая бляха дворника» – была в списках. Остап уже в который раз рассматривал картинки сокровищ, часть из которых должна была быть включена в окончательный список. Больше всего на бляху дворника смахивала тоже бляха из кургана Куль-Оба в виде лежащего оленя, но даже такому археологу как Остап было очевидно – подмена не прокатит. Вот такой вот получается Нью-Йорк – город контрастов, он же Большое Яблоко, он же ... – Стоп! Если есть город контрастов, почему бы не быть выставке контрастов! Грубые и слабо-орнаментальные новоделы средневековой и поздней Европы – просто меркли перед тем же оленем, чашей из Солохи, ножнами из Чертомлыка или как его там.

– Да, скифы мы! Но посмотрите в одном зале, как меркнет ваш баран перед нашим изящным оленем, кубки ваших рыцарей – просто серийные пивные кружки по сравнению с нашей чашей, про колчан для лука и стрел я, вообще, не говорю! Рядом с каждым нашим артефактом должно стоять, висеть, лежать что-то похожее, чем ложно и напыщенно гордятся буржуи. –

Свой позор они, конечно, не выдадут, но еще раз подумают: может все-таки заключить этот чертов пакт, а то эти варвары еще что-нибудь эдакое сварганят, костей потом не соберешь.

На ближайшем научном Совете предложение было оценено как дальновидное, политически грамотное, патриотичное и, вообще, пусть знают наших и свое место. Орден «Золотого Руна» с цепью, а именно его Остап упомянул пять раз в докладе на Совете, сравнивая шкуру барана с нашим оленем в красках – тоже был включен в «Позорную коллекцию №2». Буржуйам название коллекции сообщать не стали, чтобы они раньше времени не обиделись, а просто предложили концепцию выставки и новое название: «Золото скифов» и «Рыцарская эпоха Европы». Респонденты в Дрездене пытались было втолковать незаконнорожденным потомкам скифов, что про рыцарскую эпоху они и так все знают, имеют богатейшие и редкие коллекции, но рисковать громкой выставкой «Золото скифов» из Красной России не решились, так как она сулила немалые барыши, а газетная шумиха была уже запущена. То есть, как обычно, у них победили деньги, а у нас – генеральная линия, но каждая из сторон себя считала победителем.

Дубликат бронзовой бляхи дворника то ли отлил, то ли выковал бывший кузнец, а теперь литейщик на Втором шарико-подшипниковском заводе. Настоящую копию, как и остальные изготовили мастера из Эрмитажа. А Остапу надо было еще найти того, кто сможет вставить в обрамление шкуры фианиты и прочие лжекарбункулы. Готовясь тщательно, Остап аккуратно навел справки, и оказалось, что на подлинном ордене тоже фианиты и красивые стекляшки, а не драгоценные камни. Не на его ордене, а на всех орденах. – Вот гады! – выразился по этому поводу Остап. – А еще, по слухам, этот ширпотреб нашему императору зажали! – из-за чего точно Остап не разобрался, понял только, что, как обычно, ксендзы намутили.

Вариантов было мало, надо было лично поговорить с Гольдбергом, а это опасно. Остап всю неделю мучал профессора разговорами про выставку, но это было объяснимо. Командор все-таки был идейным вдохновителем и участником мероприятия. И вот как-то, он прокинул профессору: – А скажите, маэстро, а вот наши мастера смогли бы такие камни изготовить? Это вам не подковы и колеса, а?

– Ну, во-первых – это не камни – а бутафория, ответил Гольдберг. – Их намного легче гранить, а что касается алмазов и прочих настоящих камней – у нас, молодой человек, были такие мастера, что их Брюгге просто Конотоп какой-то, а не Жмеринка, тем более Старгород. Вот, например, мой двоюродный брат Марк, который пошел по стопам родителей наших, а не как я отщепенец, это же – поэт, не ювелир! Да и кому сейчас нужно это искусство? Теперь он обувь на заказ делает дамочкам. – взгрустнул профессор.

– Скажите, а вот смог бы Марк утереть нос буржуйам и посоревноваться с нашими мастерами из Эрмитажа? Вы знаете, что для выставки сделана бронзовая копия, которая ценности не имеет, ну и стекляшки должны быть сделаны, да вот мастер-огранщик Эрмитажа заболел коварным вирусом, работать может, но в Эрмитаж в мастерскую его не пускают. Может Марк сможет сделать? А бронзовую железяку мне без проблем дадут на пару недель. Что с ней станет, да и кому она нужна, кроме выставки.

Гольдберг написал родственное письмо двоюродному брату, и Остап отправился в Старгород. Пока Марк, необычайно одухотворенно трудился над огранкой стекляшек, инкрустированием их в «Копию» (он так и называл изделие – «Копия», неизменно шепотом и с придыханием), вояжер съездил к деду, забрал золотую бляху дворника, вручил ему еще десять рублей, сообщил о секретном награждении деда Орденом Почетного Легиона и Красного Знамени, с вручением оных в разных местах, в разное время в режиме строжайшей секретности, в узком кругу, после окончательной победы высшей справедливости. В этот раз дед даже глазом не моргнул, закалился, не то, что в прошлый раз – чуть не прослезился.

Вернувшись в Старгород, Остап упаковал бронзовую бляху дворника в коробку из-под ботинок «Мореман», отыскал Костю-моряка и за сто рублей договорился переправить коробку через Переи в Дрезден. Товар должен был быть на месте в сапожной мастерской Арно, что

возле собора Фрауэнкирхе. Золотая же бляха вернулась вместе с Остапом в Москву на Шаболовку.

Провожали выставочный экспресс помпезно! Поскольку везли железяки, надобности в конспирации не было, а идеологическая составляющая была – колоссальной! Митинг на перроне продолжался два часа, график движения поездов был сбит напрочь, но событие того требовало! Для делегации было выделено два вагона, один спальный, второй – товарный, для ящичков с артефактами. Ящички даже не были опечатаны. Чего их пломбировать, на границе все равно вскроют несколько раз, а спереть там нечего, даже цыганско-румынские пролетарии всех вокзалов, всех городов маршрута следования – знали, что везут подделки. Заранее это было неизвестно, поэтому Остап подменил бронзовую бляху на золотую еще во время прощального выставочного мероприятия в актовом зале КИДа, где экспонаты, после завершения, разложили по ящичкам и отправили грузиться в депо. Риск, конечно, был, но: информационный вакуум – лучшая гарантия безопасности. На границах товарный вагон пограничники и таможенники вскрывали, артефакты рассматривали, но больше из любопытства, членов делегации вообще не досматривали из-за статуса. – Знать бы, что так будет! Но после встречи на Днестре, Остап это вариант даже не рассматривал. До Дрездена добрались буднично. Складились в пока еще пустующем спец. зале галереи. Открытие выставки было запланировано на субботу в двенадцать ноль-ноль. Впереди предстояла тяжелая неделя по концептуальному и выигрышному размещению экспонатов в выставочном зале. Время было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.